

Мягкое прикосновение ладони отозвалось в сердце Шао Лиюя, словно легкое перышко, потревожившее гладь спокойного озера. Однако, стоило ему взглянуть на Тун Даоцзюня, как он увидел, что тот небрежно указывает пальцем на нескольких бродяг.

Среди них были: мужчина средних лет с аккуратно причесанными волосами, полноватая женщина, юноша с растрепанными волосами, холодным взглядом и легкой хромотой на левую ногу, а также изможденная женщина с копной спутанных волос.

Тун Даоцзюнь достал несколько аккуратно сложенных листов и произнес:

— Тот, кто готов поставить здесь свое имя, может уйти со мной.

Все присутствующие прекрасно понимали, что это за бумаги. Четверо бродяг переглянулись: в руках у Тун Даоцзюня были контракты о продаже в рабство. Стоило их подписать — и вчерашние нищие превращались в бесправных рабов.

Не успели они и слова сказать, как многие другие бродяги повалились на колени, осыпая Тун Даоцзюня поклонами:

— Я согласен! Прошу, господин, возьмите меня!

Какая разница, раб ты или нет? Это все равно лучше, чем гнить здесь, попрошайничая.

— И я согласен...

Глаза Шао Лиюя слегка блеснули. Он подошел к Тун Даоцзюню и негромко заметил:

— Если тебе нужны люди, зачем искать их здесь? Завтра я пришлю к тебе в поместье несколько человек.

Стоило ему это произнести, как четверка, до того пребывавшая в оцепенении, наконец пришла в движение. Первой опомнилась девочка-попрошайка; она опустила на колени и поклонилась Тун Даоцзюню:

— Я согласна подписать, но не умею писать.

— Достаточно отпечатка пальца, — уголки губ Тун Даоцзюня приподнялись, и он протянул ей лист.

Девочка, словно боясь, что он передумает, прокусила палец и приложила его к бумаге. Вслед за ней контракты подписали старик, женщина и хромой юноша.

Тун Даоцзюнь с довольной улыбкой сложил бумаги и спрятал их, после чего обратился к мастеру боевых искусств, которого Шао Лиуй приставил к нему для охраны в поместье маркиза Цзинань:

— Будь добр, помоги им привести себя в порядок.

Когда этого мастера отправляли в поместье, Шао Лиюй приказал ему относиться к Тун Даоцзюню как к господину. Поэтому сейчас, получив распоряжение, мастер почтительно поклонился и увел людей.

Тун Даоцзюнь оглядел разочарованную толпу бродяг:

— А что касается вас...

Те, кого не выбрали, уже приготовились горевать, но, услышав его слова, тут же оживились.

— С этим я разберусь, — Тун Даоцзюнь ткнул пальцем в грудь Шао Лиюя.

Этот мужчина был достаточно умен, чтобы с полуслова понять намек. Шао Лиюй перехватил тонкий палец, упирающийся в его грудь, и ответил:

— Если Цин-сян дарит мне людей, я, разумеется, приму их.

Он подал знак охране, и те, кивнув, принялись за дело.

Двое мужчин стояли посреди улицы, держась за руки — непристойное зрелище. Тун Даоцзюнь ловко вывернул ладонь, вырвался из хватки Шао Лиюя, но тут же сам сжал его широкую, теплую, покрытую мозолями руку.

— Идем за мной.

Шао Лиюй не сопротивлялся и позволил увести себя. Сопровождавшие их охранники последовали за ними, но по знаку Шао Лиюя держались на почтительном расстоянии.

Тун Даоцзюнь прекрасно видел мелкие уловки Шао Лиюя. Усмехнувшись, он внезапно свернул в узкий переулок и прижал мужчину к стене. Они стояли так близко, что их дыхание смешивалось. Тун Даоцзюнь уперся рукой в стену возле плеча Шао Лиюя. Несмотря на то, что он был ниже ростом, его властный напор не уступал ни на йоту.

— Я скучал по тебе... — Шао Лиюй опустил взгляд, наполненный нежностью к человеку, стоявшему прямо перед ним.

Тун Даоцзюнь промолчал. Его длинные, прищуренные глаза излучали опасное очарование. Он чуть приоткрыл губы и накрыл ими тонкие губы Шао Лиюя. Тот охотно ответил на поцелуй, позволяя Тун Даоцзюню захватить инициативу. Их языки сплелись в страстном, неразрывном танце.

Это был самый искренний ответ, какой только мог дать Тун Даоцзюнь.

После смерти госпожи Жун, супруги маркиза, Цзянь Чуцин совершенно охладел к сыну,

рожденному ею. Он даже не поинтересовался, зачем тот привел в дом четверых слуг.

Тун Даоцзюнь только этого и было нужно. Старика-попрошайку звали Чэнь Тайбо — человек простодушный и честный. Толстуху — Хэ Фэнцай, хромого юношу — Чжань Шань, а девочку — Сяохэ.

Тун Даоцзюнь окинул взглядом уже отмытых и переодетых слуг и остановился на Сяохэ:

— Сяохэ — это не имя. Отныне тебя будут звать Чуньхэ.

Чуньхэ — так звали величайшую куртизанку столицы. Он хотел, чтобы девочка унаследовала это имя. Затем он распределил обязанности: Чэнь Тайбо стал управляющим внутренних покоев, Чжань Шань — личным слугой (ему, правда, нужно было найти лекаря, чтобы вылечить ногу — система V587 подтвердила, что кость не успела окончательно сгнить и поддается лечению), Хэ Фэнцай, обладающая крутым нравом и талантом к кулинарии, взяла на себя кухню и помощь в управлении, а Чуньхэ была определена в служанки во внешний двор.

Вскоре после того, как Шуй Чжуся с сыном обосновались в поместье, они под разными предлогами выжили всех молодых и пригожих служанок. Оставшиеся девушки были серыми и неприметными. Цель была ясна: они боялись, что Цзянь Чуцин увлечется кем-то помоложе. Очевидно, Шуй Чжуся понимала, насколько шатко ее положение в сердце маркиза.

Что ж, именно эта шаткость ему и была нужна.

Чуньхэ, только что вышедшая из трущоб, выглядела изможденной и некрасивой, поэтому Шуй Чжуся и Цзянь Цзяньжэнь не видели в ней угрозы. Зная, что ее привел Цзянь Хуншу, они постоянно придирались к девочке, били и ругали ее, но выгонять из поместья не спешили. В их глазах она была лишь уродливой и глупой служанкой, годящейся только на то, чтобы подавать чай.

Глядя на Чуньхэ, которая стояла перед ним с заплаканными глазами и красной щекой — след от пощечины Шуй Чжуся за якобы слишком горячий чай, — Тун Даоцзюнь прищурился. В ее глазах, помимо обиды, он увидел искры злости и жажду реванша.

Именно это ему и было нужно. Чем сильнее обида, тем яростнее будет борьба с Шуй Чжуся в будущем.

— Чуньхэ, ты хорошая девочка, старательная и терпеливая. Но тебе нужно учиться, чтобы никто не мог найти к чему придраться, и тогда тебя станут реже наказывать.

Чуньхэ в недоумении посмотрела на него. Учиться? У кого?

— Конечно, не у матушки Хэ на кухне. Чтобы научиться искусству служить людям, нужно брать пример с тех, кого больше всего ценят хозяева, — намекнул Тун Даоцзюнь.

Глаза Чуньхэ вспыхнули. Она поклонилась:

— Благодарю за наставление, господин, я поняла.

Ведь той, кого больше всего любил хозяин в этом доме, была госпожа Шуй из Западного сада.

— Ого, а девочка-то полна энтузиазма, — прокомментировал V587.

— Иначе как мне насладиться представлением? — усмехнулся Тун Даоцзюнь.

Шуй Чжуся, может, и была хороша собой, но ей перевалило за тридцать. Лучшие годы прошли, как ей тягаться с юным, расцветающим цветком? Чуньхэ хорошо питалась, он подкармливал ее целебными отварами, и скоро она расцветет. А когда придет время, он ее подтолкнет.

Шао Цзисюн чувствовал, что в последнее время его преследует полоса неудач. Цзянь Хуншу, который должен был им восхищаться, постоянно ускользал из поместья маркиза. Для реализации великих планов Шао Цзисюну была необходима поддержка маркиза Цзинань. Ему был нужен Цзянь Хуншу — и его лицо. Пусть нынешний маркиз и не обладал доблестью отца, но он командовал войсками Севера.

Шао Лиюй был чудачком: ему подавай красавцев с выдающимся умом. Все шпионы, которых Шао Цзисюн пытался подослать, были изгнаны.

Поэтому, впервые увидев Цзянь Хуншу, он решил действовать иначе. Он подстроил кражу кошелька, а потом, когда хозяин кабака хотел избить беднягу за неуплату, эффектно спас его и подружился с ним. Все шло к тому, чтобы Цзянь Хуншу женился на Шао Лиюе и стал его шпионом, но...

Шао Цзисюн сжал кулаки. Сегодня на утреннем докладе чиновники обвинили его в создании клик. Император пришел в ярость и приказал заточить его во дворец, заставив пятьсот раз переписать десятую главу Наставлений по бдительности. Даже его мать, попытавшаяся просить за него, была наказана за вторжение в кабинет императора и заточена во дворец Луаньси на десять дней.

Проклятье! Шао Цзисюн так сильно сжал кисть, что та с хрустом сломалась пополам.

— Ха-ха-ха... — Тун Даоцзюнь, лежавший в шезлонге под солнцем, внезапно расхохотался.

Матушка Хэ, принеся ему сладкий суп, испуганно замерла.

— Господин, с вами все в порядке? Суп не пришелся по вкусу?

— Все хорошо, суп отличный. Иди, матушка, не беспокойся, — Тун Даоцзюнь махнул рукой, продолжая улыбаться.

V587 передал новость о наказании Шао Цзисюна. Последнее время он был крайне раздражен тем, что Шао Цзисюн постоянно крутился у ворот поместья, из-за чего ему приходилось лазать через заборы. Похоже, это вывело из себя Шао Лиюя, и тот через своих людей натравил на принца чиновников.

Пока Шао Цзисюн был под замком, Тун Даоцзюнь наконец мог спокойно выходить через парадную дверь. Он подозвал тень, спрыгнувшую с дерева — Ин-эра, мастера, приставленного Шао Лиюем.

— Передай это своему господину.

— Слушаюсь.

Ин-эр исчез в мгновение ока.

— Неплохая легкость движений, — пробормотал Тун Даоцзюнь.

— Хотите стать мастером? Легко, в следующем воплощении сделаю из вас супергероя, — отозвался V587.

— Как мило с твоей стороны, благодарю, — Тун Даоцзюнь заложил руки за спину и направился к выходу.

Проходя мимо главного зала, он увидел, что Цзянь Чуцин обедает с Шуй Чжуся и Цзянь Цзяньжэнем. Они выглядели как счастливая семья.

Бесстыдники. Незаконнорожденный сын и любовница, возомнившие себя господами, полностью вычеркнули его, законного наследника, из жизни.

Тун Даоцзюнь вошел в зал.

— Отец, — он отвесил безупречный поклон.

Цзянь Чуцин, только что смеявшийся, помрачнел. Он ударил по столу:

— Негодник! Где твои манеры? Кто научил тебя так вести себя со старшими?

— Старшими? Прошу прощения, отец, не просветите ли вы меня, кто именно является моим старшим братом? — с легкой усмешкой спросил Тун Даоцзюнь.

Для него Цзянь Чуцин был бумажным тигром. Его дед, прославленный полководец, был настоящим воином, но Цзянь Чуцин, выросший без отцовского присмотра, лишь имитировал мастерство копья. Ему просто повезло, что после смерти деда он стал единственным наследником.

— Негодник! Ты обижаешь Цзяньжэня, проявляешь неуважение к третьему принцу! Не думай, что раз ты законный сын, то обязательно унаследуешь титул. Я могу попросить императора лишить тебя этого права! — снова рявкнул Цзянь Чуцин.

Тун Даоцзюнь оставался невозмутим:

— Отец, вы шутите. У вас была одна жена, моя мать, и один сын — я. Откуда взяться старшему брату? А что касается третьего принца, то его частые визиты в дом маркиза могут вызвать подозрения у императора. Не боитесь ли вы, что это приведет к беде? И если вы лишите меня титула, кому его передадите? Дальним родственникам? Но их титул будет ниже.

Цзянь Чуцин побагровел от ярости.

— Весенние экзамены на носу, мне пора подавать документы, — Тун Даоцзюнь небрежно поклонился, не сгибая спины, и вышел.

Цзянь Цзяньжэнь смотрел ему вслед с ненавистью ядовитой змеи. Весенние экзамены? Что ж, он сделает всё, чтобы тот даже не переступил порог экзаменационного двора.

Выйдя из поместья, Тун Даоцзюнь направился в канцелярию.

— Хозяин, отличные новости: Цзянь Цзяньжэнь и Шуй Чжуся уже строят козни, как помешать вам сдать экзамен.

— Что ж, наконец-то они решили покончить с собой... — усмехнулся Тун Даоцзюнь.

В канцелярии было полно народу: одни подавали документы на гражданские экзамены, другие — на военные. В империи Даюй, основанной Шао Тай-цзу, выходцем из военных, придавали равное значение и литературе, и боевым искусствам. Основатель империи считал: «Воин защищает страну, ученый — управляет ею», поэтому даже упраздненные в прошлой династии военные экзамены здесь были восстановлены.

<http://bllate.org/book/22155/2307812>